

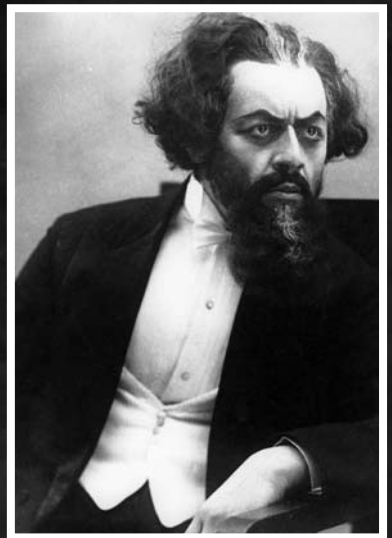
Рязань

Издательство Ситников

2009

Dennis

ОКМ

Повесть и очерки
о певцах и хормейстерах

ББК 84

Д 38

Авторы: А.Н. Бабий, Т.И. Банникова, И.И. Бурачевский, Ю.И. Веденин, В.М. Касаткин, И.К. Красногорская, А.Б. Марасанов, О.А. Пирогов, Я.А. Пирогов, Л.Д. Сорокина, Т.Н. Цуканова, Г.П. Чернова.

Автор вступительной статьи Р.Е. Маркин.

Д 38 **Дети Оки:** повесть и очерки /[сост., ред. И. Красногорская]. – Рязань: Издатель Ситников, 2009. – 352 с.: ил.

ISBN 978-5-902420-29-3

Это сборник о знаменитых русских вокалистах и хормейстерах, в творческом становлении которых значительную роль играла «самая русская река» Ока, точнее, та её часть, что украшает и поэтизирует Рязанский край. С ним главные герои книги были связаны годами – кто детства и юности, кто позднее – работой.

В сборник вошли повесть «Сын Оки» о великом певце Александре Пирогове, написанная его сыном Олегом Пироговым, и несколько очерков (разных авторов). В очерках рассказывается о вокалистах, певших одновременно с Александром Пироговым на сцене Большого театра, и о тех, кто в конце XX века способствовал развитию русского хорового искусства.

ББК 84

Издание осуществлено
при финансовой поддержке портала
WWW.HISTORY-RYAZAN.RU
САЙТ ДЛЯ ТЕХ, КТО ЛЮБИТ РОССИЮ

ВНЕСИ СВОЙ ВКЛАД В СОХРАНЕНИЕ РОССИИ

ISBN 978-5-902420-29-3

- © Издатель Ситников, 2009
- © Красногорская И.К., составление, 2009
- © Группа авторов, текст, 2009
- © Ситников К.Н., оформление, 2009
- © Швед А.И., фото на обложке, 2009

Роман Маркин

Звёзды

продолжают светить

Жить в эпоху реформ не только трудно, но и ответственно. Ведь в перестроечном угаре сгоряча можно разрушить всё до основания. А что из этого получается, мы уже проходили. Стоит ли бесконечно наступать на одни и те же грабли? Лихое реформаторство особенно чревато последствиями в сфере культуры. Потому что восстановить завод, хотя и сложно, но реально. А вот вернуть обществу отгеснённые на обочину жизни культурные ценности столь трудно, что порой и невозможно.

Одна из самых неприятных издержек российских реформ конца XX – начала XXI веков – тенденция к игнорированию лучших традиций отечественной классической культуры в литературе, в музыке, в изобразительном искусстве, в сценическом... Под флагом ложно понимаемой «современности» в эту сферу агрессивно вторгаются различные «культуры» – «поп», «суб», «масс» и т.д. Сориентированные в основном на дурновкусье, на делание денег, они дискредитируют само понятие «культура».

Можно ли противостоять такой тенденции? И как?

Понятно, что это должен быть целый комплекс воспитательных, социально-экономических, политических мер, направленных на сохранение, поддержку и развитие подлинной духовности. Это должны быть, пусть менее масштабные, но отнюдь не менее ценные, акции «на местах». В том числе и краеведческие проекты, цель которых – изучение жизни

и творчества знатных земляков, чтобы воздать должное их деяниям. Чтобы не затерялся их след в мире искусства. Чтобы следование их творческому кредо стало традицией для последующих поколений.

В этом плане появление такой книги, как «Дети Оки», представляется заметным событием в культурной жизни рязанского края. Используя театральную терминологию, можно сказать, что «сверхзадача» книги – запечатлеть Рязанцев, выдающихся деятелей вокального искусства, многие из которых украшали прославленную сцену Большого театра. И тут случались вещи совершенно удивительные. Так, в Большом выступали четверо братьев Пироговых. Четыре великолепных баса! Бывало, что в «Гугенотах» пели одновременно три из них – Григорий, Александр и Михаил, а в спектакле «Четыре деспота» – Александр Пирогов и Алексей Пирогов. А на прослушивании в Большом театре некоего юноши Наумова великий Собинов спросил его: «Это у всех рязанцев такие божественные голоса?»

У всех. А если серьёзно, то в Большом многие годы пели не только великие басы, но и замечательные тенора из Рязани – Николай Озеров, Никандр Ханаев и уже названный выше Вячеслав Наумов... Причём на них держался репертуар. Главный дирижёр Большого театра В.И. Сук как-то сказал об Озерове: «Если с ним что-нибудь случится, вешайте замок на театр».

В этих артистах счастливо сочетались мастерство вокалистов и талант драматических актёров, что в оперном искусстве особенно сложно. Автор данной публикации убедился в этом на собственном опыте, когда довелось ему ставить в Рязани (в концертном исполнении) оперу «Алеко» с участием солистов областной филармонии и студентов Рязанского музыкального училища имени Григория и Александра Пироговых.

Певцы Пироговы столь же символичны для Рязани, как, скажем, зодчий Бухвостов, как Есенин... К тому же, например, Александр Пирогов любил проводить лето на Оке, на острове Медвежья Голова, а ещё раньше на острове Добрынь. Сердечную привязанность человека к родным местам образно передал земляк Пироговых поэт Евгений Маркин в своём юношеском стихотворении «Остров Добрынь»:

Вновь транслируют арию Игоря.

– Тише, девочки!

– Пирогов!..

Позабыв журналы и игры,
меж высоких плывём берегов.
И встаёт за излучкой
остров.
Белый шелест дурман-травы...
О легенды! Печалью острой,
гарью, пеплом веете вы.
То не сокол взмыл над утёсом –
ворон кружится тяжело,
не ромашки никнут в прокосах –
войско русское полегло.
Прячьтесь, девушки, от полона,
плачьте, жёны и старики!
К городам, ещё не спалённым,
половецкие мчат полки.
Но приспеет
на помощь
Добрыня,
и у женщин – взгляды прямой.
Собирайся, народ, к обрыву,
утро вечера мудреней!
Тот утёс передвинуть непросто,
камни-камушки не легки,
но насыплет
Добрыня
остров
посреди широкой Оки.
И Ока эту ношу примет,
чтоб, пока не зардел восход,
переправил туда Добрыня
и людей, и добро, и скот.
А когда на рассвете весёлом
прилетит в Мещёру орда –
встретит здесь
пустынные сёла,
встретит мёртвые города!
И умчится вдаль восвояси,
озираясь по сторонам...

Помню, кажется, в пятом классе
рассказали про это нам.
Я почти что забыл об этом.
Но сегодня
в рассветный час
из Москвы
о самом заветном
нам поёт пироговский бас –

чтоб в дорогах,
дальних-предальных,
мы копили
к Отчизне любовь...
Я сегодня верю преданьям
и легенде верю
любой!
Будто сам я
помню такое,
будто жил я
много веков...
И задумчиво машет рукою
с кручи острова
сам Пирогов.

В книге есть очерки, повествующие и о других известных вокалистах, музыкантах – уроженцах Рязанского края. Наверное, здесь сама природа художественно формирует человека, его мироощущение и способность передать это мироощущение другим. Этим наполнен рязанский песенный фольклор, исторический эпос, которые питали талант будущих поэтов, музыкантов, оперных звёзд. Понятно, что не тех, кого штампуют сегодня на телефабриках. Настоящих, которые продолжают светить нам.

Большое дело сделали историки-краеведы, журналисты, издатели – все, кто принял участие в рождении этого сборника.

Александр Спиридов

Олег Пирогов

Сын Оки

Авторские оговорки и пояснения

Давно я собирался написать о своём отце, замечательном советском оперном артисте Александре Степановиче Пирогове. Хотя, пожалуй, слово «собирался» здесь не подходит, потому что я неоднократно начинал писать о нём и каждый раз бросал: получалось совсем не то.

Будучи профессиональным музыкантом (композитор и теоретик), а также человеком, имеющим некоторый опыт в музыковедческих писаниях, я сначала хотел написать книгу об отцовском творчестве. К этому толкало меня ещё то обстоятельство, что слышал я пение отца несчётное количество раз, наверняка больше всех наших современников и, конечно, разбирался в мельчайших деталях всей его артистической деятельности. Зная мою заинтересованность его творческими делами, отец охотно делился со мной замыслами, мнениями по вопросу о той или иной роли, своими творческими установками, не говоря уже о том, что большая часть его черновой работы как певца происходила на моих глазах.

Однако роль беспристрастного музыкального критика мне, сыну, явно не подходила и, опять же как сына, не удовлетворяла: хотелось писать не только об артисте, но и о человеке, об отце.

Тогда я пошёл по линии биографической. Бросил. Не понравилось. Пробовал писать и в жанре обычных мемуаров.

Получалось опять не то, что я хотел. А чего именно хотел? Этого-то я точно и сам не знал.

Может быть, совсем неплохо, что в этих попытках прошло время, отдалившее меня от горестных дней, тяжёлых переживаний, связанных с потерей отца. Это были даже не дни, а годы. Рана зарастала плохо и никогда, конечно, не могло наступить такое время, чтобы она совсем не беспокоила... А тогда было писать трудно, тяжело было писать. Самые светлые минуты в нашей жизни отзывались в душе болью от сознания их невозвратимости.

И вот, спустя почти десять лет после смерти отца, я сел писать о нём, и у меня стало что-то получаться. Получаться для себя самого. А получилось ли, будут уже судить читатели.

Мне же крайне важна была просто некая творческая удовлетворённость, которая подталкивала меня писать дальше.

Я решил не придерживаться очень строгой хронологии, хотя и соблюдаю её в некоторой степени, если взята всю книгу от начала до конца.

В основном я руководствовался одним принципом: писать только о том, чему я был непосредственным свидетелем, не пользуясь какими-либо другими источниками, кроме, разве, рассказов самого отца.

Надо сказать, что мне очень повезло в жизни в смысле родителей. Не многим выдаётся счастье иметь в живых родителей, когда сами они, то есть дети, достигают зрелого возраста. Я достиг не только зрелого возраста, но был уже относительно немолод (мне шёл сороковой год), когда умер отец.

Сравнительно небольшой разрыв в годах – 25 лет, очень близкий круг интересов, общая влюблённость в Оку и русскую природу сделали нас настоящими друзьями. И естественно, что с годами всё больше и больше стиралась возрастная грань. Когда я был мальчиком, потом юношей, наша дружба носила, конечно, условный характер, и в ней полностью доминировал отец. Именно как отец, а не просто старший. Потом мы стали равноправными мужчинами и настоящими друзьями. В этом, может быть, нет ничего особенного, однако, взаимоотношения взрослых сыновей с отцами, при всей естественной родственной любви друг к другу, далеко не всегда перерастают в мужскую дружбу. С моей стороны это была сыновья любовь, мужская дружба и особая влюблённость в отца-артиста.

Едва ли нужно оговариваться, что в этой книге я, безусловно, пристрастен. Пристрастен и как сын в своём от-

ношении к горячо любимому отцу и другу, пристрастен и как музыкант, как зритель в своей оценке обожаемого мной певца-артиста, доводящегося мне столь близким родственником.

Пытался я было себя сдерживать – писать как можно объективнее, но в то же самое время очень боялся стать не совсем искренним. В конце концов, махнул рукой на эту искусственную узду: пусть меня лучше обвинят в пристрастии к отцу (велик ли грех?), чем в неискренности.

Поскольку я пишу обо всём, виденном мною лично, то, естественно, и моё постоянное «присутствие» в книге стало необходимым. Для правильного понимания наших довольно

своеобразных взаимоотношений с отцом мне приходилось так или иначе писать о себе, приводить различные свои высказывания, рассказывать о тех или иных своих переживаниях.

В повседневной жизни среди своих людей, постоянно общающихся друг с другом, знающих, кажется, друг о друге всё в мельчайших подробностях, вряд ли возникают такие обстоятельства, когда бы один человек давал бы интервью другому. А вот в наших отношениях с отцом это происходило довольно часто. Дело в том, что многие из именитых людей, ставя свою подпись под каким-нибудь выступлением в печати, охотно передоверяют сам процесс писания кому-то из журналистов, ограничиваясь высказыванием своих мыслей.

Отец писал хорошо, но терпеть не мог писать даже письма, и охотно доверял писать ту или иную статью журналисту, обратившемуся к нему от имени редакции с предложением о чём-то выступить в прессе. Правда, в этом случае он очень детально высказывался по данному вопросу в разговоре с таким журналистом и весьма придирчиво проверял потом написанное, зачастую многое меняя, сокращая или дополняя, придирался бывало и к литературному изложению. И в вопросах языка, если возникал спор, он неизменно выходил

Олег Пирогов

победителем, хотя имел дело с профессиональными литераторами. А в результате он ставил одну свою подпись под статьёй, а вторую под доверенностью на получение авторского гонорара, который получал, конечно, журналист.

Однажды, после визита к нему посланца какого-то журнала (я ещё тогда учился в музыкальном училище), он сказал мне:

– Слушай, Ольг, ты же прекрасно владеешь эпистоляром (отец всякое писание называл «эпистоляром» – О.П.), да и круг тем, на которые мне приходится «писать», близок тебе, попробовал бы свои силы на этом поприще? Ты же, можно сказать, с детства пишешь... Забыл, что ты написал после первых своих стихов, лет десять тогда тебе было.

– Пьесу. Драму, аж в пяти действиях, а называлась она «Собачья жизнь».

– Она сохранилась? Почитай как-нибудь, для смеха...

– Да ладно тебе! Что ты хотел сказать?

– Мне думается, ты мог бы написать не хуже, чем они пишут, да и меня, конечно, понял бы значительно быстрее, чем чужой человек.

– Что ж, с удовольствием, – загорелся я от такого предложения, – давай обязательно попробуем!

Должен сказать, что я писал действительно с самого раннего детства. С восьми лет начал писать стихи, потом прозу и был уверен, что стану литератором. Поворот мой в музыку не означал отказа от литературного пути. Я любил музыку и литературу почти одинаково (больше, пожалуй, всё-таки литературу), но понимал, что музыка требует специального образования и занятий с самого детства (вначале я хотел стать пианистом). Не буду углубляться в свою творческую биографию, однако скажу, что став композитором-профессионалом, я никогда не бросал литературу и писал на протяжении всей своей жизни. Писал стихи (только для себя, никогда не публиковал), писал прозу, писал для радио и периодической печати, охватывающей две мои привязанности в области музыковедческой.

Отцовское предложение вскоре осуществилось. Ему предложили написать о Мусоргском к юбилею композитора. На такую тему я мог писать и без особых собеседований с «автором» статьи. Но отец всё-таки высказал мне некоторые свои пожелания, попросил на чём-то сделать акцент и заранее предупредил, что оторвёт мне голову, если я приведу, по обычаю всех музыковедов, набившие ему оскомину слова Мусоргского: «Я разумею народ, как...» и т. д.

Статью я написал, получил отцовское одобрение вместе с двумя подписями – под статьёй и под доверенностью на гонорар.

Относительно последней подписи мы заключили следующее соглашение: гонорар я беру себе, а отцу «за имя» и предоставленную мне возможность подзаработать ставлю бутылку лучшего армянского коньяка. В данном случае марка была определена точно – коньяк «Армения».

Так и пошло. Чтобы ни предложили написать отцу, он довольно охотно соглашался, вызывая порой удивление своей необычной сговорчивостью: тот, кто уже имел с ним дело, знал, что уговорить его даже просто дать интервью – дело нелёгкое.

Как-то отец сказал мне, посмеиваясь:

– Я получаю сразу три выгоды от нашего сотрудничества. То я ничего не имел, а теперь всё-таки хоть бутылку коньяку, ну и сыну опять же даю подзаработать, а не чужому человеку... – он нарочито остановился и, хитро улыбаясь, явно ждал моего вопроса о третьей выгоде. Я, чувствуя подвох, не спешил с вопросом, но, конечно, спросил о ней.

– А третья выгода подспудная, – ответил отец, – ты, получивши гонорар, не попросишь у меня лишний раз денег. Вот и получается, что вроде как я сам этот гонорар получаю.

Но, весело посмеявшись, он говорил уже серьёзно:

– Я, конечно, шучу, Олег. Ставя своё имя под печатной статьёй, я за многое отвечаю. Не только за содержание, но и за стиль. Ведь ты слышал, как я бывало придирался к журналистам? Чуть какая фраза корявой покажется, сразу же просил переделать – здесь же, при мне, переделать.

– Ну ко мне-то ты не шибко придираешься, – удовлетворённо констатирую я.

– В том и дело! Ты меня сразу хорошо понимаешь, и это естественно – сын ты, чай, а не кто-нибудь, да и пишешь, на мой взгляд, подходяще. – Отец не любил меня хвалить в глаза, а потому тут же добавил: – Впрочем, не будем забывать Антона Павловича Чехова, а у него сказано: «Воробихе кажется, что её воробушек не чирикает, а поёт очень хорошо».

Наше литературное содружество пришлось мне очень по душе. И конечно, не только потому, что я мог увидеть свои писания напечатанными, пусть не под моим именем (хоть фамилия одна – и то хорошо!), и не потому, что иногда попадали какие-то деньги. Главным удовольствием для меня являлись беседы с отцом, из которых я узнавал много нового для себя о его мировоззрении, о его мнении по тому или иному

вопросу, узнавал такие его мысли, которые вряд ли бы мне довелось услышать от него как от отца в обыденной жизни.

Подобные интервью очень часто выходили далеко за пределы той темы, на которую предстояло мне писать, и давали возможность узнавать отца, если так можно выразиться, со стороны. Нередко после наших деловых разговоров я, помимо требуемой статьи, записывал некоторые его мысли для себя. И поэтому наиболее интересными были такие статьи, которые касались непосредственно творчества отца. В «абстрактных» же писаниях, скажем, о каком-то композиторе к знаменательной дате, я вполне мог обойтись и без его участия, хотя и в такие работы он часто подбрасывал свои, весьма интересные, мысли, которые мне самому не пришли бы в голову.

Статьи и заметки, печатавшиеся в результате нашего соавторства, были разнообразны как по содержанию, так и по размерам. Такса же оставалась неизменной, а поэтому иногда у нас возникали споры, шутливые, конечно. Написал я, например, статейку и получил за нее 150 рублей (все денежные суммы приводятся здесь в деньгах до реформы 1961 года), а коньяк «Армения» стоил тогда, если не ошибаюсь, рублей 90. Вот я и говорю отцу:

– Отч, а ведь несправедливо получается: я писал, ты в этот раз даже и не поговорил со мной как следует, а больше половины гонорара надо отдать тебе. Хорошо ещё, если бы «магарыч» тут же выставлялся, а то ведь ты обязательно запрячешь его в «окские запасы».

– Угадал, запрячу. А на Оке-то разве ты не будешь участвовать в его реализации? И потом – что ещё за разговоры? Уговор есть, и потрудись выполнять наше, говоря официально, трудовое соглашение! Плати за имя. Кто это стал бы обращаться к тебе, щенку, с просьбой написать о Бородине в такой солидный журнал? У них своих писак хватает, да ещё норовят урвать они друг у друга гонорарную-то работёнку... Журналу, пойми, нужно имя, чтоб статью подписал народный артист Советского Союза, Великие, Белые и Малые, так сказать...

Ну, конечно, бутылку «Армении» приходилось отдавать, и все мои попытки повернуть дело к армянскому же коньяку, но трёхзвёздному, ценою около сорока рублей, успехом не увенчивались. Бывало, впрочем, и наоборот. Получил я как-то за одну более или менее крупную работу около семисот рублей. Тогда начал торговаться отец:

– Слушай, Ольг, ведь маловато одной бутылки! Это почти от тысячи-то рублей (отец обожал всё преувеличивать

в выгодную для себя сторону. – О.П.) – и всего одну бутылку! Вроде подачки какой-то...

Я тоже был неумолим и отвечал его же словами:

– Уговор есть уговор, отч, в трудовом соглашении о двух бутылках ничего не сказано.

Однако, получив хороший гонорар, я покупал две бутылки. Одну обязательно – «Армения», другую – на свой вкус, тоже из дорогих коньяков. Но, отдав «Армению» в полное распоряжение отца, другую бутылку требовал поставить на стол для «омовения» нашего опуса.

Надо заметить, что наше соавторство сильно огорчило журналистов. Они привыкли к тому, что Пирогов норовит увильнуть от всякого рода обременительных для него статей, теперь же не только соглашается сразу, но очень скоро отдаёт готовый материал. Мне доводилось быть свидетелем их разочарований. Приходит журналист, который звонил по телефону дня два назад, раздевается, идёт в комнату, на ходу вынимая из папочки блокнот и вооружаясь ручкой.

– Так, Александр Степанович, – бойко начинает он, – нам, значит, требуется...

– А я вас уже по телефону хорошо понял, – перебивает его отец, лукаво зыркнув на меня глазом, – вы так толково мне всё объяснили тогда... Вот, пожалуйста! – он выкладывает на стол готовую, переписанную своей рукой статью.

– Уже готова?! – пытается изобразить на лице радость газетчик, явно при этом скисая. – Не ожидал, честно говоря, от вас такой оперативности.

Пробежав глазами статью и, видя, что сделано все вполне профессионально, он совсем уныло говорит:

– Что ж, превосходно! У вас, знаете ли, как говорят журналисты, «есть перо». Обычно-то, будем откровенны, частенько приходится нашему брату писать за именитых артистов, художников, учёных.

– Я знаю, – играет в простачка отец, сдерживая улыбку, – за меня тоже бывало писали... Но когда есть время и желание, то я с удовольствием делаю это сам.

«Знаем мы твоё удовольствие!» – мысленно ухмыляюсь я. Как правило, журналисты ничего уже не меняли, и мои творения появлялись в печати так, как я написал, разве только иногда с некоторыми редакционными сокращениями.

Мне приходилось много писать для радиовещания на зарубежные страны, одновременно составляя музыкальную программу данного тематического концерта (это уже под своим именем), и я хорошо усвоил, сколько надо писать моим

Александр Спиридонов дома

почерком страниц, чтобы получилось требуемое количество текста в переводе на машинку. Вот я и просил отца, чтобы он ещё по телефону спрашивал о размерах предполагаемой статьи, что он и делал довольно дипломатично, не подчёркивая, что будет писать сам. А в результате я готовил статью нужных размеров, что также удивляло журналистов, так как они часто говорили:

– Смотрите, пожалуйста, и по объёму вы написали, сколько требуется!

Как-то отцу позвонил молодой талантливый музыкальный журналист Андрей Золотов и предложил ему от имени редакции «Недели» написать автобиографию. Когда он пришёл к нам, то оказалось, что у меня с ним есть очень хорошие общие знакомые. Мы разговорились. Тогда же, при первом визите Золотова, отец дал ему понять, что писать будет сам. А я уже потом честно рассказал Андрею о заведённом у нас с отцом литературном сотрудничестве (тоже, вероятно, отбил хлеб у хорошего человека!).

Золотов сказал, что размеры автобиографии не регламентируются и желательно написать её не сухо, констатируя только основные вехи жизненного и творческого пути, а бел-

летристически, не стесняясь рассказать и о малозначительных фактах: впечатлениях детства, случайных встречах, различных жизненных и сценических курьёзах.

Мы сразу же приступили с отцом к делу, поскольку нужно было написать эту автобиографию к определённом номеру.

Казалось бы, мне известно всё о жизни отца из его отдельных рассказов, иногда повторяющихся неоднократно уже не для меня, но при мне. Когда же мы засели с ним за стол специально, появилась масса подробностей, отец рассказывал эпизоды, о которых я понятия не имел, в общем, мне было очень интересно.

Работали мы с ним так. Он рассказывал о каком-то отрезке своей жизни (правда, сначала не о себе, а больше о родителях, братьях, словом, о семье), я уходил к себе домой и садился писать. Когда приносил ему готовый кусок, мы обсуждали его, отец иногда вспоминал что-то ещё, приходилось дополнять ранее записанное, и мы двигались дальше. Когда всё было вроде переговорено, я попросил отца дать мне отпуск на несколько дней.

– Смотри-ка, – иронизировал он, – у тебя, я гляжу, свой метод работы. Скажите, пожалуйста, Лев Николаевич! Вы что же сейчас вынашивать будете? Переосмысливать, что ли? Может быть, поделитесь своей писательской, так сказать, технологией? А?

Я действительно принялся «вынашивать», «переосмысливать», искал интересную форму, но писать не садился: неясно было мне, как сделать это нестандартно, живо, но не нарушая никаких фактических данных. Отец меня всё спрашивал, как подвигается работа и, будучи очень пунктуальным человеком, начал уже волноваться, что я не успею написать к сроку.

Наконец я сел за письменный стол и начал писать, не отрываясь, отложив в сторону все дела и найдя себе замену на работе. Помню, что сел я в субботу вечером. В понедельник у меня был нерабочий день, а вторник я подстраховал заменой. К среде обещал отцу обязательно всё сделать.

Писал я всю ночь напролёт и почти весь следующий день. К вечеру немного поспал и ночью с воскресенья на понедельник опять работал. К утру автобиография была готова.

Я отоспался, позвонил отцу, сказал, что всё в порядке, работаю и в среду обязательно принесу рукопись. Сам же сделал сутки полного перерыва, а затем сел переписывать начисто и править.